

ОБЩИНСКИЙ ВЕСТНИК

КИСЛЕВ - ТЕВЕТ 5774

ПЕТРОЗАВОДСК
N 185

ДЕКАБРЬ 2013

КЛАССИЧЕСКОЕ МАЛОДУШИЕ

Александр Фейгин

Много-много лет назад, когда евреи валом повалили на историческую родину (вы не поверите, тогда это были настоящие евреи!), я и мой друг Сеня Аш устраивали для них семинары в Цфате, что-то вроде «Мое первое знакомство с иудаизмом». На одном из таких семинаров мы встретили молодую женщину, которую можно было бы назвать мечтой лектора: она не клевала носом, задавала разумные вопросы, живо реагировала на материал и даже записывала что-то в блокнотик, а во время перерывов выказывала живой внеклассный интерес к «религии древних евреев». Семинар подошел к концу, мы тепло попрощались. И тут последовал удар... Милая дама сказала мне и Сене: «Все было так интересно, так ново, так увлекательно! Но завтра нас ждет обычная жизнь репатриантов и, глядя вперед, понимаешь: все, что было сказано здесь, - чушь собачья». Ну-с, а теперь к тексту. И не подумайте, что я себя или господина Аша сравниваю с Моше. Куда нам. «И говорил Моше все это сынам Исраэля, но не послушали они Моше из-за малодушия и тяжкого

труда». Тора называет две причины, сделавшие сынов Израиля «глухими», не позволившие им услышать и понять слова Моше. Относительно второй из них все ясно: леяты рабы кирпичи, а тут аристократ и белоручка обрушивает на них утопические идеи. Тяжел труд этих людей, страшно далеки они от свободы. А вот первая причина не так однозначна и понятна.

Коцер руах означает буквально «короткий дух» или «короткое дыхание». Речь, однако, идет явно не об астме. Классические комментарии обычно трактуют это выражение как «нетерпение». Итак, за «неслышанием» стоит не только изнурение плоти непосильным трудом, но и рабское свойство характера: нежелание и неумение тратить время на то, что не сулит очевидного и немедленного эффекта. Например, на размышления.

Старый анекдот: чем отличается прапорщик от обезьяны? Обезьяна трясет пальму, кокосы не падают. «Думай!» - слышит она внутренний голос. Подумав и оглядевшись, берет обезьяна палку - хоп! - и орех падает ей прямо в лапы. А рядом трясет пальму прапорщик. «Думай!» - слышит он внутрен-

ний голос. «Чего там думать, трясти надо!» - решительно отвечает бравый служака самому себе.

Рабская природа отмечена многими яркими чертами. Неверие в будущее и, как следствие, желание получить все и сразу - одна из таких черт. Похлебку - сейчас! Мир - сейчас! Равенство - сейчас! Гражданин Шариков ведь как говорил: «... пишу, пишу... Конгресс, немцы какие-то. Голова пухнет. Взять все, да и поделить...»

Рабские решения общечеловеческих проблем, при всем их многообразии, обладают одной общей чертой: все сложное решается просто. А че мудрить-то?! Пусть слон думает, у него голова большая.

За нетерпением скрывается еще один аспект рабской психологии. Ученики Басаль-Шем-Това толкуют коцер руах как «малодушие». Неспособность выслушать и вслушаться, нежелание «приклонить ухо» (Рамбан) продиктованы внутренним страхом: а ну как Моше прав?! Тогда ведь вся жизнь - кувырок. Вещи собирать, в путь пускаться...

Жизнь сложна, мало что свободен от «тяжкого труда». Но если слова Торы не доходят до сердца и ума, не стоит обманывать себя: не одни глухоты и глоты жизни тому виной.

Не только вне нас причины нашей глухоты и невосприимчивости. Всегда есть и внутренняя причина, коцер руах, нетерпение и малодушие. Мало, стало быть, выйти из рабства, надо еще и рабство выдать из себя. Научиться слушать и слышать. Осознать, что понимание не рождается в спешке.

ЭМИГРАЦИЯ: ДВА ПОЛЮСА СОЗНАНИЯ

Агун Штейнзальц

О двух крайностях

Одни уезжают, чтобы избавиться от своего прошлого и все начать с чистого листа. Они еще не знают, что осуществить эти планы практически невозможно. Другие, наоборот, берут с собой свое прошлое и всю жизнь бьются над тем, чтобы трансплантировать его в новую почву. Эти феномены наблюдались в разных волнах эмиграции в Израиль среди выходцев из самых разных стран. «Мы покидаем галут (Страну изгнания) и начинаем с нуля» - под таким девизом приезжали в Израиль некоторые эмигранты. Один из самых известных и авторитетных писателей, Израиль Смелянский, однажды сказал мне: «У меня не было дедушки. Не то чтобы его не было у меня физически - я не родился от святого зачатия, - но когда мой отец приехал в Израиль, он постановил: все, что было со мною прежде, того не существовало вовсе. Значит, и мой дедушка не существовал для меня. Жизнь началась с момента нашего приезда в Израиль». Это, конечно, необычайно экстремальный подход.

Но были представители и противоположного полюса, тоже экстремалы. Они привезли с собой из Европы да и из других мест традиции, манеры поведения, одежду, весь образ жизни и захотели продолжать жить, как будто они никуда и не переезжали.

То же наблюдалось и в разных волнах эмиграции в Америку. Американские меннониты одеваются так, как их далекие предки одевались в Европе, они не пользуются изобретенными с тех пор машинами и механизмами... В Канаде живут духоборы. Они пытаются сохранить тот образ жизни, какой был в России в XVII веке. И напротив, есть немало людей, которые делают все, чтобы забыть язык, на котором говорили с рождения в стране исхода. Эмиграция никогда не имеет одну форму. Это всегда миллион различных вариантов, лежащих между этими двумя крайностями, которые сами по себе в чистом виде не существуют.

Люди не могут забыть своего прошлого, даже

если очень хотят этого. Оно вновь и вновь всплывает в них в том или ином виде. И так же безнадежны любые попытки перенести свой мир в неизменном виде из одной почвы в другую, поскольку слишком уж не похожи эти самые почвы - мир, их окружающий. На практике со временем оба эти крайности сходятся. Первое поколение эмигрантов: оно слишком сильно связано со своим прошлым - одновременно стремится отбросить его и сохранить неизменным. Второе поколение - совсем другая история.

Возьмите Белую эмиграцию в Париже. Все они хотели остаться русскими, сохранить старую и создать новую русскую культуру во Франции. Но у них ничего не вышло. Подобное поражение они потерпели и в других странах. А те, кто хочет стереть память о прошлом, редко справляются даже со своим акцентом. Но если им это и удается, они не могут избавиться от своего прежнего образа мышления. Говорит, как американец, но все равно думает, как русский. Это справедливо для всех стран, народов, времен. Более того, это также справедливо в ситуациях переселения целых народов, когда мигрируют массы людей и своими руками создают в безлюдных местах новые поселения. Новая страна - всегда другая страна.

О предпочтении и осуждении

Большинство обществ предпочитают людей, которые не помнят своего прошлого. Нигде не любят других. Всем хочется, чтобы его окружали такие же, как он сам. Но это невозможно. Иногда удается так ловко мимикрировать, подделываться под окружающих, что они обманываются. Часто и сами готовы обмануться - потому что не хотят иметь дело с людьми другого типа. Не хотят настолько, что любыми путями стараются ассимилировать пришельцев, порою используя даже насилие.

Через это проходит каждый эмигрант. Поразному относятся к эмигрантам и в тех странах, откуда они уезжают. Многие считают их предателями, отступниками. Не только в Советском Союзе

отъезду из страны сопутствовало презрение. В Израиле есть понятия: «йордим» - спускающиеся и «олим» - поднимающиеся. Эмигрантов - йордим - осуждают, порой ненавидят. Знаете, как покойный Ицхак Рабин их называл? «Отбросы обреченного народа». Особенно болезненно воспринимается отъезд из страны людей отважных, решительных, изобретательных, предприимчивых. Для одних стран исхода это большая потеря. Другие могут себе эту потерю позволить.

О потерях и приобретениях

Конечно, на все это можно посмотреть и другими глазами. Допустим, отъезд большой группы, скажем, китайцев в другую страну расценить как экспорт китайской культуры и стремление утвердиться в мире. Можно увидеть в эмигрантах не потерю, а своих же эмигрантов: переселяясь, они распространяют свою культуру и попутно учатся у других народов, обогащаясь чужим опытом, знаниями, другой культурой.

На практике все обстоит куда сложнее. Когда представители какого-то народа приезжают в чужую страну, они, конечно, привносят элементы своей культуры, оказывая влияние на новую среду. Но влияние это всегда крайне ограничено. Нельзя, повторюсь, перенести культуру на новую почву неизменной. В центре Нью-Йорка или Сан-Франциско построены чайна-тауны; выходцы из Советского Союза компактно поселились на Брайтон-бич в Бруклине, который даже называют Малороссией. Там говорят только по-русски, пишут вывески по-русски, продают десятки издающихся в Америке русских газет. Но люди ведь уже не русские. Называйте их, как хотите. Полуамериканцами, скажем. Или вспомните немецкую, итальянскую, ирландскую иммиграции; испанский гарлем в том же Нью-Йорке, где с трудом найдешь человека, говорящего по-английски. Все они дают что-то принимающей их стране. Иногда что-то хорошее, а иногда - очень плохое. Они сохраняют

(Продолжение на 2-й полосе)

ЭМИГРАЦИЯ: ДВА ПОЛЮСА СОЗНАНИЯ

(Окончание)

свой прежний образ жизни и могут дурачить самих себя, делать вид, что так будет продолжаться вечно. Но это иллюзия. Я знаком с российскими семьями, эмигрировавшими в США, в Израиль, во Францию, в Германию и в другие страны. Некоторые родители верили, что их дети будут носителями русской культуры. Я не знаю ни одной семьи, у которой бы эти надежды оправдались. Дети вырастают совершенно другими людьми. Родители отчаянно продолжают заставлять детей говорить по-русски, а дети не желают этого, потому что для них этот язык принадлежит прошлому. Они говорят на новом языке, хотя многие пока еще понимают русский. Но не читают и уж тем более не пишут по-русски.

О том, какой язык считает родным

Нередко приходится слышать о моде на русский язык. О том, что происходит возвращение к своим корням. Детей учат читать и писать по-русски. Создают русские школы, где практикуется традиционная российская система образования.

Очень может быть, что так и происходит. Но мода переходящая, долго не продлится. К тому же следование этой моде требует очень больших усилий и средств. Далеко не у всех есть такие возможности. Родители могут говорить со своим ребенком только по-русски, но на улице-то он говорит на другом языке. И тот, другой, язык для ребенка важнее - он открывает перед ним большой мир. И даже то, что ребенок свободно говорит на двух языках, уже отличает его от родителей.

То же самое происходит и с китайцами в чайна-таун. Казалось бы, живут они компактно, часто в магазине тебя не поймут, заговори ты с ними по-английски. Но их дети, воспитываемые в этой среде, ходят в американские школы. Они говорят с родителями по-китайски, но почти никто не читает на этом языке, а уж пишущих - вовсе единицы. Да, на лицо - они китайцы. Но они вырастут и будут американцами.

А возьмите евреев, переехавших из Европы в Америку. Все они изменились. Даже те, кто следовал по экстремальному пути.

Об ультраортодоксах и еврейских местечках

Вы бываете в Штатах и не могли не обратить внимания на то, как меняются обитатели Боро-парка. О них говорят: «Эти люди живут не в Америке, а в Боро-парке». Неправда. Они живут в Америке. И Америка проникает в них, как бы они этому ни сопротивлялись. Я говорю так: «Они американские парни, нарядившиеся в сатмарских хасидов». И это правда. Некоторые из них не полноценные американцы, некоторые говорят по-английски с колоссальным трудом. И тем не менее, они не аутентичные хасиды, высидившиеся на Элис-Айленде в начале XX века. Это новые люди, чем-то отдаленно напоминающие прошлое, очень отдаленно.

В Иерусалиме есть район Меа-Шеарим. В каком-то смысле это штетл (*местечко в черте оседлости*. - *Ред.*). Но не было ни одного штетла, похожего на Меа-Шеарим.

Расскажу вам историю, которую я услышал от одного японца. Он жил в Сан-Франциско перед Второй мировой войной. Ему было очень трудно, люди относились к японцам враждебно. Лучше всех к нему относились евреи. Не как-то особенное, но лучше других. Благодаря этому он узнал евреев поближе, установил с местной общиной связи. Потом уехал в Японию, стал университетским профессором и решил съездить в Израиль. Сначала у него создалось впечатление, что люди в Израиле не имеют ничего общего с теми евреями, которых он знал в Америке. Потом он понял: и у тех, и у других схожая ментальность - ше-ту-ту (так он произносил слово «штетл»). Только одни живут в американском штетле, а другие - в израильском. И это не одно и то же, и это не европейский штетл. Эмигрируя из Европы, одни хотели убежать как можно дальше от местечка, другие - перевезти свое местечко с собой. И все они остались в местечке - но не в старом, а в каком-то новообразованном «населенном пункте». Как-то я был в Чикаго. Город показывала мне одна очень ассимилированная еврейка. Она совершенно ничего не знала об иудаизме. Но была очень богата и активно занималась благотворительностью, помогала разным еврейским организациям. Евреи могут быть совершенно ассимилированными, понятия не иметь о своей вере и тем не менее жить вместе, держаться друг за друга, как в старом штетле.

Однажды я заехал в небольшой американский городок, каких тысячи в США: такие же дома, такие же люди, разъезжающие на таких же машинах. Ко мне подошел какой-то человек и говорит: «У нас тут пять тысяч семей. Все евреи, кроме одной. Понять не можем, что эта итальянская семья делает среди евреев». Для меня это был шок. Подумать только: все эти пять тысяч еврейских семей крайне ассимилированы, они ничего не соблюдают - в них вообще нет ничего еврейского. Но и по сей день они из местечка так и не выбрались. И через сколько поколений им это удастся, сказать трудно.

С другой стороны, в первом, и уж точно, во втором поколении эмигрантов рождаются и развиваются новые черты. Человек носит ту же одежду, что носил его отец и дед. Но он носит ее иначе, она значит для него нечто иное. Люди вроде как говорят на одном языке - но говорят они по-разному.

О Новой Площади

Как-то в том же Чикаго я встретил одного человека. Очень давно он переехал в Америку из России, где был раввином. Жизнь его там была очень тяжелой. Казалось бы, его ничего не связывает со страной исхода, кроме горьких воспоминаний. Но когда он говорит о русских лесах, то становится поэтом. Он не видел Россию лет пятьдесят, не привязан к ней. Но какое-то теплое чувство осталось... В Израиле - тысячи таких примеров. Приезжают евреи из Аргентины, из Бразилии. Их не так много, своей отдельной общины у них в Израиле нет, так что теоретически они полностью интегрированы в израильское общество. Но попробуй сказать что-то нелицеприятное об Аргентине или о Бразилии в их присутствии! Они этого не выносят. Так что совсем обрывать старые связи им не удалось.

А возьмите городок в штате Нью-Йорк... New Square (Новая Площадь). Что это за городок и откуда взялось название? Это в чистом виде еврейское местечко, построенное выходцами из украинского местечка Площадь. Они переехали в Америку и решили в точности воссоздать свой штетл. Живут там ультраортодоксы, и теоретически воссоздать прежний образ жизни им удалось. Однако большая часть населения этого городка работает в созданной ими же компьютерной компании. Это же нонсенс! Компьютерное дело никогда не было частью их мира, это же совершенно новый феномен. Моги ли они помечтать об этом на Украине?! Думаю, остались они там, то не занялись бы таким бизнесом, хотя и не устояли бы перед влиянием времени и прогресса.

О крепостном праве, свободе и генетической памяти

Эмиграция неизбежно влечет за собой глубокие перемены. В людях и в целых сообществах. И наоборот, в отсутствие переездов консервация образа жизни более реальна. В каком-то смысле таким примером может служить Россия. Здесь пили всегда. И при Александре Третьем эта проблема стояла очень остро. Менялся государственный строй, о царях уже забыли, но в России продолжали пить. Или, скажем, наследие крепостного права. Его синдром и сейчас еще ощущается. Крепостные обязаны были беспрекословно подчиняться приказам и не имели права проявлять инициативы. Почему евреи так активно включились в последние реформы? Воспе не потому, что они талантливейшие. Все просто: они никогда не были крепостными, не могли себе позволить пльть по течению, они всегда должны были что-то предпринимать, чтобы выжить.

А что происходит, когда потомок крепостных эмигрирует, скажем, в предприимчивую и непьющую Америку? Он вынужден не пить и становится инициативным. Но на то, чтобы вытравить из него генетическую память, понадобятся столетия. Он приедет, первым делом вывесит на своем доме американский флаг, довольно скоро обзаведется американским гражданством. Но американцем он станет очень и очень не скоро. Конечно, само по себе решение эмигрировать свидетельствует о его предприимчивости. Во все времена в дальние страны пускались те, кто склонен меняться, - пусть даже и не ставя перед собой таких планов и не имея такого намерения. Но человек - не пустой резервуар, он многое несет в себе.

О неудачниках-созидателях и удачливой серости

Далеко не все страны и общества осознают потери от отъезда своих граждан. Возьмите хотя бы еврейскую эмиграцию из России. Уверен, что

поначалу многие россияне, включая правительство России, были рады отъезду евреев. Всегда хочется поскорее избавиться от головной боли. Но со временем пришло понимание, что эта эмиграция унесла с собой и что-то ценное. То же происходит в Италии, в Германии. Наиболее важные, деятельные итальянцы уезжали из Италии, ирландцы - из Ирландии, немцы - из Германии. Возможно, они решились на этот шаг от отчаяния. Но ведь они не желали мириться с отчаянием и были готовы к переменам. Слышали про фирму «Оливетти»? Когда-то это была еврейская семья Оливетти Галеви. Слово «оливетти» означает масляная. Уроженец Турина, откуда происходят и Оливетти, рассказал мне историю этой семьи. Было в ней три брата. Но в Турине не было места для трех мужчин из одной семьи. На всех не было работы. Тогда братья решили бросить жребий: тот, кто забросит свою шапку с городской стены дальше всех, остается в городе, тот, чья шапка улетит не так далеко, уезжает из города, но остается в Италии, а самый неудачливый метатель шапки - покидает страну. И вот этот «неудачник» создал знаменитую компьютерную фирму. В итоге Италия с его отъездом понесла потерю, а страна, в которую он уехал, сделала ценное приобретение. А чего добились братья, оставшиеся в Италии?..

Возможно, уехал именно тот, кто выказал способность созидать.

О тех, кто остается самим собой

Эмиграция требует от человека особого напряжения, устремленности к цели. В старые времена лучшими студентами в американских университетах были евреи. Сейчас их место заняли китайцы и корейцы. Почему? Да потому, что они хотя и интегрировались в новое общество, тогда как у еврейских детей, представляющих второе-третье поколение иммигрантов, уже нет той мотивации. Таким образом, выдающиеся успехи в учебе, стремление проявить себя, показать, что ты лучше или, по крайней мере, не хуже местных, - это одна из черт новых иммигрантов.

Будучи однажды в каком-то из английских университетов, я зашел в комнату одного студента. Юноша произвел на меня впечатление классического представителя высшего английского общества: вальяжная поза, небрежная манера говорить, неторопливые, полусонные движения. Он возлежал на кушетке и лениво цедил слова... И вдруг в комнате появился темпераментный еврейский парень. Позже я выяснил: тот, кто показывал мне более выраженное еврейство, представлял третье или даже четвертое поколение богатой, успешной еврейской семьи. А тот, другой, - до мозга костей англичанин - оказался сыном резника кошерного мяса в лондонской лавке, недавнего иммигранта.

Укорененному жителю страны не было нужды подстраиваться под окружающую, играть англичанина. Он мог позволить себе быть самим собой. А вот новый житель страны изо всех сил старался быть, как все в дешевом обществе. И в этом своем стремлении иммигранты зачастую выглядят смешно. Некоторые говорят на новом для них языке лучше, чем его носители, используя изысканные грамматические обороты, в то время как носители языка говорят так, как им вздумается.

О том, что лучше: уехать или остаться

Оставаться ли дома или уезжать - каждый решает для себя сам. Что бы я ни посоветовал своим детям и внукам, они все равно меня не послушаются, сделают по-своему. Впрочем, так и должно быть. Но если дома спокойно, если дома нет войны, конечно, лучше оставаться. В этом нет сомнения. С другой стороны, новые места влекут к себе - это всегда приключение, это новые возможности, новый шанс. Иногда дома, где ты прекрасно ориентируешься, знаешь все входы и выходы, притупляются острота и инстинкт поиска новых путей и новых возможностей.

Но даже если и ищешь новизны, то далеко не всегда осознаешь, что твоя жизнь и ты сам чем-то отличаешься от твоих родителей. Один маленький израильский мальчик так представил свою жизнь: сначала ты ходишь в детский сад, потом в школу, женишься, рождаешь детей, со временем у них рождаются свои дети - ты становишься дедушкой, начинаешь говорить на идише и умираешь... Но он не заговорит на идише...

Беседовала **Наталья ЗУБКОВА**, «иностранец»

«Мой отец родился в Нью-Йорке и вообще еврей»

Алена Городецкая

Разглядывая в литературной энциклопедии первую статью о себе, Виктор Драгунский обнаружил вверху страницы под своей фамилией - фамилию Теодора Драйзера и воскликнул: «Хм! Как он сюда втерся?» - «Кто?» - хором спросили домочадцы. «Этот Драйзер!» Ошибку в дате рождения - 30 ноября - он не заметил. Меж тем семья всегда справляла день его рождения 1 декабря. Денис Драгунский - о своем отце, воспитании и приятии реальности.

Алена Городецкая: **Детская литература была сознательным выбором Виктора Драгунского?**

Денис Драгунский: Конечно сознательным, но нельзя сказать, что он всю жизнь об этом только и мечтал. Сначала был артистом, не очень удачливым, как показала жизнь, потом - эстрадным режиссером, эстрадным артистом и автором эстрадных реприз, интермедий. Был автором фельетонов, а уж после начал писать детские рассказы. А как - да очень просто: однажды на дачу приехал, заперся там на неделю. И написал пять или шесть первых рассказов.

АГ: Чистое вдохновение?

ДД: Чистое. У него было все в порядке, он достаточно зарабатывал. Кстати, всегда был фрилансером. Какое-то время, до войны, работал в театре Сатиры и в Театре Транспорта (ныне Театр Гоголя), потом просто был актером на договор. Он никогда - на моей памяти - не служил, что называется.

АГ: А учился он на артиста?

ДД: Была такая знаменитая школа-студия Алексея Дикого. Он был выдающимся актером и педагогом, его театральная студия имела статус высшего учебного заведения. Отец таким образом получил высшее театральное образование. Но вообще человеком он был весьма образованным, читал много, постоянно, жадно, книги русские, иностранные. Очень хорошо знал литературу. Я много раз рассказывал, он со мной прочел «Евгения Онегина» вслух со всеми комментариями: что значит какое выражение, слово - «бобливар», «брегет», Эол.

АГ: Как в литературном цеху оценивали творчество детских писателей?

ДД: Вопрос, на самом деле, очень сложный. С одной стороны, детская литература считалась до войны очень выгодным полем, потому что советская власть вкладывала в нее дикие бабки - воспитание подрастающего поколения! Были огромные тиражи и соответствующие гонорары. Тут еще одна тонкость: Барто, Михалков - почему такие тиражные? Дети быстро истрепают, рвут книжки, нужно новые покупать! Простые вещи. В то же время отношение к детскому писателю было как к человеку, который пишет немножко литературу низшего сорта. На Катаева все косились: выбрал детскую литературу как золотую жилу.

АГ: А почему же низшего?

ДД: Там ведь не может быть по определению смерти, роковой любви, страшных предательств, падения в нищету, глубины болезненной. Даже в чисто социальном, совершенно дистиллированном произведении обязательно был какой-то драматизм: режиссер Сидорова послала руководителем самостоятельностью в Усть-Засранск, кто-то, наоборот, получил Сталинскую премию, вознесся. Жена ушла, сын связался со стлягами... В детской литературе - ну, двойку получил, ну, исправился - пятерку. Ну, макулатуру собирали. Считалось, что в детской литературе размах драматизма не может быть таким масштабным - требования жанра ограничивают. В каком-то смысле у отца были своего рода комплексы, что ли. Хотя ему очень нравилось - он любил выступать перед детьми, общаться с ними. Но при этом иногда с особой гордостью мне говорил: «Я написал взрослый рассказ» или «Я хочу написать повесть - взрослую повесть». Мне говорил. Я понимал, что ему кажется, настоящая литература - это литература для взрослых. Он ошибался, очевидно, про себя, во всяком случае. Хотя написал хорошие взрослые вещи - и повести, и несколько прекрасных рассказов, - однако его талант в наибольшей мере проявился в детских произведениях. Они действительно хороши, ведь до сих пор переиздаются. Буквально каждый месяц выходит новое переиздание, иногда два раза в месяц. В разных концах страны - новые издания «Денискиных рассказов».

АГ: Почему вы решили издать «Денискины рассказы» с собственными комментариями?

ДД: Я хочу, чтобы дети знали, как тогда жили мы, герои этих рассказов. Что такое коммунальная квартира, как писали чернилами, какая была школьная форма и все такое прочее. В общем, живая материя эпохи. Это важно.

АГ: В ваших текстах есть какая-то заслуга Виктора Драгунского или я ошибаюсь?

ДД: Его рассказы - это называется, совершенные новеллы, в том смысле, что совершенная новелла - это один эпизод. Я немного по-другому пишу. У меня рассказы сжатые: отдельные кусочки, намеки разворачиваются в целые сюжетные линии - в воображении читателя, разумеется! А у него - самодостаточные новеллы, в этом смысле он похож на таких классиков рассказа, как, например, Бунин или Мопассан. Но не похож на Чехова, потому что у Чехова тоже компрессионные рассказы. Наверное, именно поэтому Чехов не писал романов и повестей. Объясняя, почему он пишет только рассказы, Чехов вспоминал притчу про пилочку: «Почему у меня пилочки так коротки? Потому что у меня их много, я хочу спеть все». А мне кажется - потому что его рассказы - это сжатые романы, они при чтении распускаются, как сухие чайники в кипятке превращаются в целые листья... Какой-нибудь строчкой из

«Дамы с собачкой» он сделал бы роман размером с «Анну Каренину», из «Скрипки Ротшильда» - огромную социальную драму, из «Ариадны» - «Идиота»...

АГ: Как Виктор Драгунский попал в ополчение?

ДД: Освободили по состоянию здоровья, у него была очень тяжелая астма. Надо сказать, что при Сталине белые билеты давали гораздо щедрее, чем при Брежневом. Нужны были реальные бойцы, а не солдаты, которые будут косить траву и окапывать газоны на даче генералов. Тем не менее из таких слабосильных было сформировано московское ополчение, и отец пошел в это ополчение, рыл окопы где-то под Можайском. Было дело: попали в окружение, погибло две трети людей, уцелевшие вышли сами к Москве, и он был среди них. Вышел живой и потом описал эту историю в своей книжке «Он упол на траву».

АГ: Отец правда был озорником и шутником?

ДД: Правда. Вопиющих выходов не было. Он не любил розыгрыши и прочее. Но однажды он рассказывал, как в Швеции в туристической поездке увидел еще одну группу советских туристов. Изменил как-то походку, вставив какую-то хрипануть в петлицу, расслабив галстук, он подошел к одному из них и сказал: «Ты русский?» Тот сказал: «Да». Он говорит: «Соотечественник! Русский! Брат!» И мужчина от него побежал. Он другому говорит: «Почему русский брат от меня уходит? Я столько лет не видел русских!» - и этот от него отстранился. Побоялись туристы, что какой-то белоэмигрант к ним прилетел. В конце концов он таки одного человека поймал, и тот оказался его школьным другом, с которым они лет тридцать не виделись. В этой компании! Он к нему, кричит: «Абик Штейн! Я тебя узнал!» - а потом нормальным голосом: «Абик, ну перестань в штаны делать, ей-богу, я же Витя Драгунский, я тоже с туристической группой приехал!» И с этого момента они снова стали дружить.

АГ: А ведь отец Виктора Драгунского, ваш дед, тоже был шутником?

ДД: Юзеф, которого Википедия называет Юдой, был человек безалаберный. Шалопай. Сын торговца секунд-хендом Фалка. Фалк скупал по местечкам лапсердаки за 30 копеек, а продавал за 60. Еще у него было такое ноу-хау: в карман некоторых лапсердаков он клал аккуратно нарезанные пачки газетной бумаги, перетянутые бечевкой, - под подкладку якобы завалившиеся. Человек, который покупал лапсердак, ошупывая его - и вдруг понимал, что там пачка - вроде бы деньги, чувствуется, бечевочкой завязаны! Покупатель спрашивал, сколько стоит. Тот ему говорил - рубль. И хотя красная цена была пятьдесят копеек, человек хватал этот лапсердак и радостно убегал. Наверное, сами понимаете, какой грандиозный. Вот как вертели бедные евреи. Юзеф был человеком хулиганистым, когда отец его уезжал по местечкам скупать секунд-хенд или вообще по делам фирмы, он брал наган, надевал черные очки и ходил грабить кассу. Но грабить чужую кассу ему было странно, он грабил свою. Приходил к своей сестре, говорил: «Хозяйка! Открывай кассу!» Та его узнавала и потом докладывала папе, что опять Юзик приходил и забрал 35 рублей.

АГ: У вашей бабушки Риты, если верить энциклопедии, была насыщенная переживаниями личная жизнь.

ДД: Они уехали с Юзиком и Ритиным отцом в Америку, в Нью-Йорк. Просто по молодой дури. Ритин отец уезжал как бы в эмиграцию, чуть ли не в политическую. Он там умер от заражения крови после удаления зуба. Глупая, тяжелая смерть. Они остались вдвоем. Денег нету, ребенок родился - папа. Молока не было у бабушки, кормили его толчеными бананами. Решили ехать обратно в Гомель. Семейная легенда говорит, что они вернулись в июле 1914 года, то есть буквально за несколько недель или за несколько дней до начала Первой мировой. Когда началась война, в Гомеле появились комиссары в кожанках, а Рита была очень красивой, дед стал ревновать. Однажды он даже в нее стрелял. Хотел, конечно, погугать, выстрелить в землю, а попал в ногу (бабушка показывала мне шрам). После чего ее главный ухажер - революционный комиссар города Гомеля - имел полное формальное право Юзика арестовать и, пардон, расстрелять. Что он и сделал. И женился на бабушке. Полный Шекспир! Но еще через годик то ли Юзиковы друзья, то ли какие-то бандиты его все-таки убили. Хоронил весь Гомель, была красивая процессия! Потом бабушка в Гомеле вышла замуж за артиста Менахема Рубина, они переехали в Москву и он ее бросил: не вернулся с гастролей. Она осталась с двумя детьми - с сыном от Юзефа и с сыном от этого самого Рубина. Потом сын Рубина Леня по юношеским делам - ну, по хулиганству, очевидно - сел в тюрьму. Из тюрьмы, из Мордовии, был призван в армию и в 1943 году погиб, ему было восемнадцать лет.

АГ: Традиционное для многих семей «об этом мы не говорим» - в вашей семье?

ДД: Отец был вполне лояльным человеком. При этом мы читали самиздат, я ночью читал «В круге первом» Солженицына на папиросной бумаге. Книжку человека по фамилии Гусаров, которая называется «Мой папа убил Михоэлса», - мне тогда показало, хорошо написано. «Свежо предание» - я не знал, что это Грекова написала, книжка без имени автора ходила. У нас в доме обсуждался этот документ - «Завещание академика Варги», где с абсолютно ортодоксальной марксистской точки зрения разбирается, в каком говне находилась наша страна, что ничего не получится, что трудящиеся забыты. Там мудрая есть фраза о том, что перелом возможен только вверху, потому что трудящиеся сплюют все, что им скажут. На днях буквально я узнал, что автором документа был наш

филфаковский профессор, заведующий кафедрой Геннадий Николаевич Поспелов. Такой марксист, застенчивый на все пуговицы схоласт, идеологически выдержанный, все его болясь на экзамене. А он писал и публиковал за границей такие вещи. Под именем Варги - такая конспирация была. Варга умер в 1964 году, а «Завещание» ходило в самиздате с 1965 года. Впервые опубликовано (за рубежом) в 1968 году в журнале «Грани» в 68 номере. В финале написано: «Верхи, воспитанные при Сталине...» - а такой был сталинист по роже!

АГ: Система двуликих - как вы этот факт оцениваете?

ДД: Я был таким же двуликим человеком. Двуличность вошла в плоть и кровь. Бывает двуличный человек, который знает, что он обманывает. Это полбеды. Ужасно другое - что я, с одной стороны, читал все эти завещания академика Варги, возмущался, а с другой - на заседании в МГУ говорил: «Мы, как комсомольцы, должны...» - тоже искренне, вот что ужасно. Были очень немногие счастливые люди, умевшие этого избежать. Пастернак, например, был человеком совершенно иного измерения. Не двуличный абсолютно, он жил в своей поэзии, творчестве, не притворялся, не искажался. Редкость по тем временам.

АГ: Помню воспитание в бас литературного вкуса, отец еще как-то по образцовой чести настаивал?

ДД: К моему школьному образованию в семье относились очень спокойно, к выбору профессии - более серьезно. Вслед за отцом я считал себя русским; его родители были евреями светскими, порвавшими с традициями. Тем не менее отец говорил: «Понимаешь, мы живем в таком государстве, где тебе все равно припомнят, что ты еврей. Обязательно. Поэтому ты должен выбрать себе профессию очень узкую, в которой специалистов мало, а желательную такую, где их совсем нет. И достичь в ней совершенства».

АГ: Вот почему вы изучали латынь и древнегреческий. А пророчество сбылось?

ДД: Отец оказался прав, но к тому времени он умер. Я поступал в аспирантуру - выражаясь нынешними словами - по гранту; по завещанию одного белоэмигранта по фамилии Флоровский (довольно известный был византиновед, живший в Чехии, по-моему). Он завещал деньги на несколько стипендий для специалистов по Византии. И меня на эту стипендию выбрали. И вдруг родной факультет не подписывает мою характеристику в аспирантуру. Отец одного моего друга был знаменитым историком, занимал весьма высокий административный пост в президиуме Академии наук. Я к ним бросился, говорю, товарищи дорогие, что за хамство, помогите! Этот самый академик позвонил секретарю парткома МГУ: «Что за херня, такой способный молодой человек!» Ничего не вышло, и вот почему: в то время, в те два или три года (1973-1975), с отъезжантов брали деньги за обучение. И этот самый секретарь парткома МГУ сказал отцу моего друга, дескать, этот ваш Драгунский - мало того что еврей по отцу, который еще и в Нью-Йорке родился, - уехать однажды решил, мы с него захотим взять 15 или 20 тысяч за аспирантуру, а он скажет: я не на ваши деньги учился, а на заграничный подарок белоэмигранта Флоровского, поэтому фигу вам с маслом. И будет прав! И мы будем вынуждены отпустить его бесплатно, у нас же правовое государство. Вот что рассказала замечательный, добрейший человек, академик этот, которому я очень благодарен, за то что он принял участие в моей судьбе. Я рыпнулся к своим в партком. Говорю, ребята, я два с половиной года был председателем научного студенческого общества. Я был членом комитета комсомола. Я помогал кафедре, я вел занятия по латыни со студентами отделения русского языка, когда у нас не было людей, - мол, помогите, напишите что-нибудь! Наш секретарь парткома кафедры сказал в ответ: «Денис, это не имеет никакого значения». И тут от одной замечательной девушки я узнаю, что в Дипломатической академии нужен преподаватель новогреческого. Это 29 августа. Я тщательно одеваюсь - она предупредила, что надо выглядеть как следует: ботинки начищать, костюм отгладить, галстук повязать, быть гладко выбритым. Я при параде, усы подстриг, являюсь. Сидит передо мной вальяжная дама, довольно красивая, и говорит: «Греческий язык вы проходили, так, угу. Скажите, вы курите?» - «Курю». - «Закуривайте. Кофе извольте?». Я говорю: «Кофе, спасибо, нет, я больше чаю». - «Ладно, что сейчас вам дадим. А вы кого больше любите - Ван Гога или Ренуара?» - «Ренуара». - «А в кино вы ходите на какие фильмы?» - «В кино вообще мало хожу», - говорю. «Понятно», - отвечает дама и сообщает: «Завтра у нас 30-е, короче, 1 сентября в 10.15, пожалуйста, аудитория номер 2, приходите, а потом ко мне зайдете, заполните анкету». Я говорю ей: «Ирина Ивановна, должен признаться: мой отец родился в Нью-Йорке и вообще еврей». Она мне и отвечает: «Это не имеет никакого значения». Два раза за одну неделю я услышал эту фразу.

АГ: У отца была какая-то мудрость, которая вам запомнилась?

ДД: Он любил в застоле повторять: «Плох тот Федька, что не пьет под редьку», «Чтоб тому было пусто, кто не пьет под капусту», «Найди мне Федку, которая бы не выпила под свеклу», «Так, Антошка, давай выпьем под картошку». И про все стоящее на столе. То есть выпить надо все-таки. А мудрость вторая, главная: «Не жалея поработать первую треть жизни на свою репутацию, потому что оставшиеся две трети - она будет работать на тебя».

<http://bybooknik.ru/context/lisa/moyi-otets-rodilsya-v-nyu-york-i-voobshche-evreiy/>

События декабря

Молодежь общины приняла участие в «Выставке-ярмарке проектов социально ориентированных некоммерческих организаций Республики Карелия», организованной Карельской региональной общественной организацией «Содружество народов Карелии» при поддержке Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными, религиозными объединениями и средствами массовой информации. Цель ярмарки - содействие формированию эффективных механизмов взаимодействия и сотрудничества, обсуждению (проектированию) возможных моделей, форм социального партнерства органов государственной власти, муниципальных образований, бизнес-

Куратор стенда Ольга Голлан

сообщества, СМИ и НКО. Участие в ярмарке приняли более 30 общественных организаций, которые представили стендовые презентации своей проектной деятельности. На стенде общины была широко представлена издательская деятельность, показана презентация «Еврейская община в фотографиях», продемонстрирована некоторая атрибутика традиционной еврейской семьи.

Еврейская община провела очередную презентацию брошюры из серии «Библиотечка газеты «Общинный вестник» (шестнадцатый выпуск). На этот раз была представлена брошюра известного литературоведа, автора многочисленных статей, радио и

телепередач о литературе Иосифа Гина «Хочу рассказать...» В этом сборнике представлены рассказы-зарисовки о близких людях Иосифа Михайловича: об отце, брате, друзьях, размышления о великом еврейском писателе Шолом-Алейхеме, чье творчество уже много лет питает литературную фантазию автора.

Данный выпуск осуществлен при поддержке Федеральной еврейской национально-культурной автономии (ФЕНКА).

Моноспектаклем «Как это делалось в Одессе» в исполнении артиста Национального театра Леонида Владимировича община отметила праздник Ханука. После поздравления председателя общины и выступления танцевального ансамбля «Авив» под руководством Натальи Гуль, зал затаив дыхание слушал бессмертную прозу великого Исаака Бабеля. И как свет хануки разгоняет тьму, так и Слово гения проникает в самые потаенные области сознания, не давая забыть, для чего человек приходит в этот мир. И никаким тиран не способен втоптать в грязь Творчество - чем и отличается человек от всех земных созданий. Спонсировала праздник Федеральная еврейская национально-культурная автономия.

Чолнт с картофелем

Вариант I: 1 кг. мяса (с жиром), 1-1,5 кг. картофеля, 2 средние луковицы, 2 средние моркови, 1 корень петрушки (по желанию), 4 дольки чеснока, 10 горошин черного перца, соль, 2 стл. хмели-сунели (по желанию).

Нарежьте мясо кусочками среднего размера и положите в кастрюлю. Сверху положите очищенные овощи (целиком) и все остальные продукты. Залейте холодной водой так, чтобы она покрыла все, и тушите на небольшом огне при слабом кипении часа 4, а затем оставьте на огне (очень малом), чтобы не кипело, до еды.

Вариант II: (из семейных рецептов, проверенных долгой практикой): 1 кг. говядины или 1 курица (лучше жирная), 1,5 кг. картофеля, 2 луковицы, 3-4 дольки чеснока, 1/3 чл. перца.

Очистите картофель и нарежьте кружками на дно толстостенного котелка (3-4 картофелины оставьте целыми и отложите пока в сторону). Поверх картофеля положите нарезанный лук и чеснок, поперчите, отложенный картофель тоже нарежьте кружочками и покройте им мясо, залейте холодной водой так, чтобы дошло до верх-

Наша кухня

него слоя картофеля, и варите на небольшом огне 3-4 часа, затем оставьте на малом огне на сутки.

Можно добавить в чолнт кул. Для этого 1-1,5 ст. муки смешайте с одной небольшой мелко нарезанной луковицей, щепоткой соли и двумя столовыми ложками куриного смальца (вместо куриного смальца можно взять говяжий смалец или любое растительное масло, кроме подсолнечного). Добавьте понемногу воды, пока не получится лепешка, положите ее с краю котелка, сдвинув немного мясо и картофель, и варите вместе с чолнтом. Когда будет готов чолнт, разрежьте кул на куски и добавьте в тарелку вместе с мясом и картофелем.

Рулет из мяса

400 г. фарша, 2 яйца, 1/2 ст. гусяного (куриного) смальца, 2 дольки чеснока, 2 ломтика булки. 3 стл. сухарей, 4-5 ст. нарезанного соломкой картофеля, 2 чл. соли.

Мясной фарш соедините с замоченной мякотью булки (белого хлеба) и еще раз пропустите через мясорубку. Добавьте толченый чеснок, соль, перец, 1,5 яйца и все хорошо смешайте. Затем разложите на чистое, смоченное водой полотенце ровным слоем 1,5-2 см, шириной 20-22 см, а по длине - по размеру Вашего противня. На середину выложите ломтики круто сваренных яиц. Затем края разложенного фарша с помощью полотенца заверните таким образом, чтобы вокруг яиц получилась оболочка из мяса. Полученный рулет осторожно спустите с полотенца на смазанный жиром противень. Поверхность рулета смажьте яйцом, посыпьте сухарями, полейте распущенным жиром. Запекайте рулет в духовом шкафу. Готовый рулет разрежьте на порции и к нему подайте картофель, жаренный на распущенном смальце.

Приятного аппетита!

НЕТ НИЧЕГО БОЛЕЕ ПОЛЕЗНОГО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, ЧЕМ ЧЕЛОВЕК

Барух Спиноза

Еврейская община имеет честь поздравить с Днем рождения **ГЕНДЕЛЕВА ДАВИДА ЗАХАРОВИЧА** пожелать здоровья, бодрости **И ДО СТА ДВАДЦАТИ!**

Еврейская община имеет честь поздравить с девятилетием **БРАВОГО ЯКОВА НАУМОВИЧЕ** пожелать здоровья, бодрости **И ДО СТА ДВАДЦАТИ!**

Еврейская религиозная община скорбит о кончине **ЛЬВА КАЛЬМАНОВИЧА ХОРОША,**
זיכרונו לברכה
интересного интеллигентного человека, активно писавшего в нашу газету, и выражает соболезнование родным и близким.